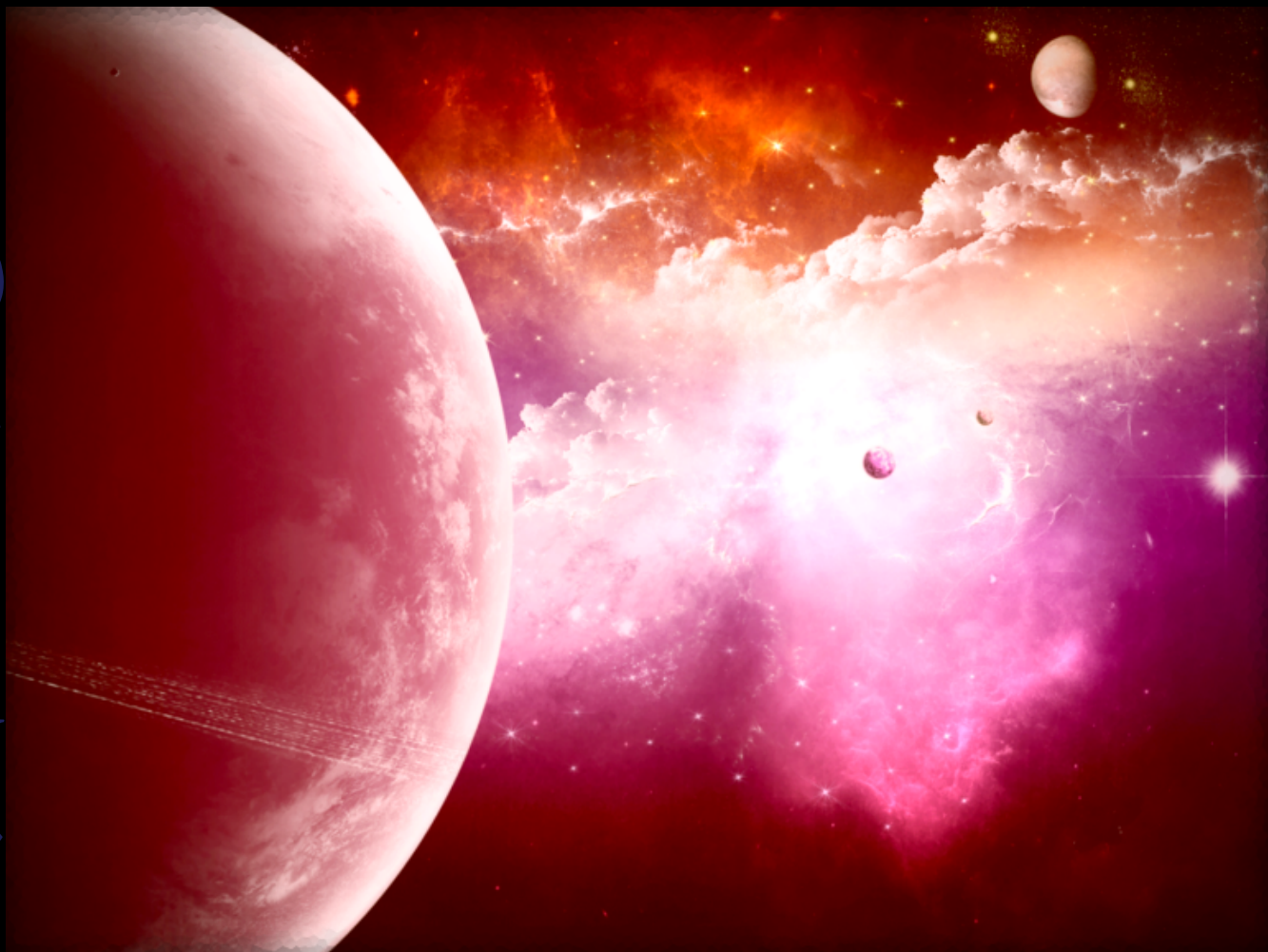

editor: Alex. Rina. EIA

Hainish

Ursula Kroeber Le Guin

«Танцуя Ганам»

Урсула Кроубер Ле Гуин

Урсула Кроубер Ле Гуин

«Танцуя Ганам»

Hainish

XX © *Ursula Kroeber Le Guin*

XX

© автор Урсула Кроубер Ле Гуин

29.03.2018

© оформление Alex-Rus

29.03.2018

© редактор Alex.Rus.UA

Hainish

РЕДАКТОР: ALEX.RUS.UA

COPYRIGHT © XX BY URSULA KROEBER LE GUIN

Аннотация

Гениальная Урсула Кроубер Ле Гуин (Ursula Kroeber Le Guin) своей научно-фантастической притчей из Хайнского цикла (Hainish) «Танцую Ганам» напоминает о проблеме ограниченности восприятия так называемой «объективной» реальности (которая по факту всегда оказывается субъективной), особенно в случае контакта совершенно разных цивилизаций. *«Всё во вселенной иллюзорно»* — говорит она устами персонажа и добавляет, что *«наш реальный мир — просто одна из лучших человеческих иллюзий»*. В конце концов, *«люди отфильтровывают бóльшую часть того, о чём рапортуют их чувства. Мы сознательны только к тому, что хотим осознать.»* А если учесть, что извечно «герои появлялись лишь в среде примитивных культур», особенно обожествляемые герои...

Произведение категорически рекомендуется к прочтению лицам всех возрастов, полов, рас и уровней духовно-ментального развития, включая все виды (анти)гуманоидов, (квази)рептилоидов и конкретно (не)определившихся. Его можно попытаться использовать в качестве вспомогательного средства в исправительно-воспитательных процедурах (в добровольно-принудительном порядке, однозначно!) для тяжело наркозависимых от сверждоз по-RuSSia Today и проповедуемых «киселеподобными мозгодавами» истерично-суицидальных догматов еретической секты «радиоактивного пепла»; и даже попробовать ненавязчиво предложить к ознакомлению кое-кому из патологически устойчивой массы боевых мутантов интернационально-великокацапской селекции «истинно руSSких» (они же «homo soveticus»), включая параноидально-шизопатических «гейропофобов» и маниакально-великодуховных «гундяефилов». Возможно, оно окажется нелишним и для бесноватой когорты идолопоклонников всяческих мнимо «вечно живых» или, к сожалению, пока ещё недостаточно физически больных тиранов (вроде плюгавого «ла-ла ла-ла»), а именно для великораболепных верноподданных «руSSкага міра» и некоторых (приучаемых к осмысленному чтению) фанатично-кровожадных апологетов «Третьего Рима», Рейха, Вавилона иже с ними... Ведь, как напомнила в этом же рассказе писательница, *«политика и религия всегда идут бок о бок»*, именно таким образом систематизированная идеология «управляемого бесправия» позволяет эффективнее манипулировать суеверной толпой. Ну и, конечно же, книга несомненно понравится и тем, кому давно следует объединить усилия и начать организованно противостоять всему этому извечно лукавому великопаскудству!

29.03.2018 © Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus¹

---

1 Редакция 29.03.2018 фантастического рассказа из Хайнского цикла (Hainish) «Танцую Ганам» (автор Урсула Кроубер Ле Гуин/Ursula Kroeber Le Guin) на основе текстового файла от 05.04.2001 г. (OCR Татьяна Кондакова). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

«Танцуя Ганам»

— Сила — это громкий барабанный бой, — сказал Акета. — Громкий, как удар грома! Как шум водопада, который создаёт электричество. Сила наполняет тебя до тех пор, пока внутри не исчезает место для чего-нибудь другого.

Пролив на землю несколько капель воды, Кет прошептала:

— Пей, странник. — И, бросив горсть муки на камни, добавила: — Ешь, странник.

Она перевела взгляд на Йянанам — гору силы.

— Может быть, он слышит только раскаты грома и уже не воспринимает ничего иного, — сказала она. — Неужели он знал, что делал?

— Я думаю, он знал, — ответил Акета.

После первого проблематичного, но успешного трансперехода, когда «Шоби»², слетав на маленькую мерзкую планету М-60-340-но-ло, вернулся обратно, порт Ве³ отдал для чартен-технологии целое крыло. Создатели чартен-теории на Анарресе и инженеры трансперехода на Урресе находились в постоянном контакте по ансамблю с теоретиками и конструкторами на Ве⁴. Те, в свою очередь, ставили эксперименты и проводили исследования, пытаясь выяснить, что же на самом деле происходит с кораблём и командой при перемещении из одной точки вселенной в другую — без каких-либо затрат времени.

— Мы не можем говорить о «перемещении» и утверждать, будто что-то «происходит», — ворчали китяне. — Событие разворачивается *одновременно* здесь и там. На нашем языке этот не-интервал называется *чартен*.

Китянским временнолитикам вторили хайнские психологи, обсуждавшие и изучавшие те реальные ситуации, когда разумные формы жизни переживали чартен.

— Мы не можем говорить о «реальности» происходящего и о «переживании», — возмущались они. — Реальность точки «прибытия» формируется совместным восприятием чартен-команды и фиксируется их приспособлением к ней. Вот почему предварительная конструкция событий является обязательным условием для эффективного трансперехода мыслящих существ.

---

2 Подразумевается фантастический рассказ из Хайнского цикла (Hainish) «История “Шобиков”» (автор Урсула Кроубер Ле Гуин/Ursula Kroeber Le Guin). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

3 В оригинале «Ве» всюду латиницей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

4 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

И так далее, и тому подобное — потому что хайнцы говорили об этом миллионы лет и никогда не уставали от подобных разговоров. Но ещё им *нравилось слушать*. Они внимательно изучили всё, что рассказала им команда «Шоби». А когда в порт прилетел командир Далзул, они выслушали и его.

— Вы должны отправить в полёт одного человека, — сказал он им. — Корнем проблемы является интерференция восприятия. На «Шоби» было десять человек. А вы пошлите одного. Например, меня.

— Ты должна полететь вместе с Шаном, — сказал Беттон.

Его мать покачала головой.

— Глупо отказываться от *такого* предложения!

— Если они не захотели взять тебя, я тоже не полечу, — ответила она. Вместо того чтобы обнять её или сказать слова одобрения, мальчик сделал кое-что получше. Беттон редко обращался к *этому* средству. Он *пошутил*:

— Тебя ждёт забвение *антивремени*.

— Ничего, я это как-нибудь переживу, — ответила *Тай*.

Шан знал, что хайнцы не носят форменной одежды и не используют такие звания, как «командир». Тем не менее,⁵ он надел свою чёрно-серебристую терранскую форму и отправился на встречу с командиром Далзулом.

Родившись в бараках Альберты, в те дни, когда Терра лишь вступала в союз Экумены, Далзул закончил университет А-Ио на Уррасе, получил учёную степень по временной физике, прошёл стажировку со *стабиями* на Хайне и вернулся на родную планету в ранге *экуменического мобиля*. И пока он шестьдесят семь лет летал по мирам на почти световой скорости, беспокойное движение «единых» переросло в религиозную войну и выплеснулось в ужасы *юнистской* революции. Прилетев на Терру, Далзул за несколько месяцев взял ситуацию под контроль. Его проницательность и тактика не только восхитили тех людей, за которых он боролся, но и вызвали поклонение у противников — отцов юнизма, решивших, что Далзул и есть их бог. Широкомасштабные убийства неверующих сменились мировым поветрием обожания Нового Воплощения. Затем начались расколы и ереси. Сектанты принялись убивать друг друга, но Далзул подавил этот пик теократической жестокости — самый худший и длительный после Эпохи Осквернения. Он действовал с изяществом и мудростью, с терпением и надёжностью, с гибкостью, хитростью и юмором, то есть в стиле, который пользуется наивысшим почётом среди обитателей Экумены.

Став жертвой обожествления, он уже не мог работать на Терре и какое-то время выполнял конфиденциальные и многозначительные задания на безвестных, но важных планетах. Одной из них был *Оринт* — единственный мир, из которого ушли жители Экумены. Они поступили так по совету Далзула — незадолго до того, как оринтяне применили в войне

5 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

патогенное оружие, навсегда уничтожив разумную жизнь на своей планете. Далзул предсказал это событие с ужасной точностью. В последние часы перед катастрофой он организовал тайное спасение нескольких тысяч детей, чьи родители согласились на их эвакуацию. *Дети Далзула* — последние из тех, кого называли *оринтянами*.

Шан знал, что *герои появлялись лишь в среде примитивных культур*. Но поскольку культура Терры была примитивной, он считал Далзула своим героем.

Прочитав сообщение из порта Ве⁶, Тай недоумённо спросила:

— Какая ещё команда? Кто это просит нас бросить ребёнка и лететь неведомо куда?

Она посмотрела на Шана и увидела его лицо.

— Нас зовёт Далзул, — ответил он. — Зовёт в свою команду.

— Тогда лети, — сказала Тай.

Конечно, он спорил, но его жена оставалась на стороне героя. И Шан согласился. Отправляясь на приём, устроенный в честь Далзула, он надел чёрную форму с серебряными полосками на рукавах и с серебряным кру́гом на груди в области сердца.

Командир был одет в такую же форму. При виде его сердце Шана подпрыгнуло и застучало быстрее. Само собой разумеется, герой не походил на того могучего трёхметрового гиганта, каким его представлял себе Шан. Но в других отношениях Далзул выглядел на все сто — стройный и гибкий торс, длинные светлые волосы, поседевшие от возраста и обрамлявшие красивое величественное лицо, глаза небесной чистоты, сверкавшие словно проточная вода. Шан даже не предполагал, что кожа Далзула окажется такой белой, но этот небольшой атавизм воспринимался как своеобразный штрих или, вернее, красота, присущая только ему.

Далзул общался с группой *анаррести* и что-то тихо говорил им мягким голосом. Увидев Шана, он извинился и направился к нему.

— Наконец-то! Вы — Шан.⁷ А я — Далзул. Нам с вами предстоит совместный полёт. Я очень сожалею, что ваша партнёрша не согласилась войти в команду. Но, думаю, я нашёл ей хорошую замену. Это ваши старые приятельницы — *Риель* и *Форист*.⁸

Шан был счастлив их видеть. Два знакомых лица:⁹ острое, цвета обсидиана¹⁰ — у Форист и круглое, сияющее, как медное солнце, — у Риель. Он учился вместе с ними на *Оллуле*. И эти женщины встретили его с равной радостью.

---

6 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

7 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

8 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

9 В оригинале без двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

10 В оригинале некое «обсидана». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Как здорово! — воскликнул он, но тут же спросил:¹¹ — Неужели в команде будут только терране?

При всей очевидности факта это был глупый вопрос. Однако обитатели Экумены любили составлять экипажи из представителей разных культур.

— Давайте отойдём, — сказал Далзул, — и я вам всё объясню.

Он подозвал *мезклета*, и тот подбежал к ним, гордо толкая перед собой тележку с напитками и закусками. Все четверо наполнили подносы, поблагодарили маленькое существо и уединились в глубокой нише у окна — чуть в стороне от шумной толпы. Устроившись на ступенях, они наслаждались едой, говорили и слушали. Далзул не скрывал, что убеждён в своей правоте. Он думал, что близок к решению «чартен-проблемы».

— Я дважды летал один, — рассказывал герой.

Он слегка понизил голос, и Шан, неправильно истолковав его манеру разговора, простодушно спросил:

— Без разрешения ИГЧ?

Далзул усмехнулся:

— О нет. *Исследовательская группа чартена* дала мне «добро» ... Но не благословение. Вот почему я до сих пор шепчусь и посматриваю через плечо. В ИГЧ есть люди, которым не нравятся мои поступки — как будто я украл корабль, извратил теорию, нарушил судовой кодекс чести или помочился в их туфли. Они косятся на меня даже после того, как я слетал туда и обратно без чартен-проблем и вообще без каких-либо перцептуальных диссонансов.

— А куда вы летали? — спросила Форист, приблизив к нему заострённое лицо.

— Первый полёт выполнялся внутри этой системы — от Ве¹² до Хайна и назад. словно прогулка на автобусе по давно известным местам. Как и ожидалось, всё прошло без приключений. Сначала я был здесь, потом оказался там. Мне оставалось лишь выйти из корабля и зарегистрироваться у стабилей. Потом я вернулся на судно и снова оказался здесь. Просто и быстро! Вы сами знаете... Это как магия. И в то же время полёты кажутся вполне естественным делом. Где одно, там¹³ и другое, верно? Вы чувствовали это, Шан?

Его глаза поражали чистотой и живостью. Шану показалось, что он взглянул на молнию. Ему хотелось возразить, но он начал смущённо запинаться:

— Я... Мы... Вы же знаете. У нас возникли некоторые проблемы в определении того места, куда мы попали.

---

11 В оригинале дефис вместо двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

12 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

13 В оригинале неуместное «гам». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Я думаю, что эта путаница не обязательна. Транспереход является антипереживанием. Мне верится, что в конечном счёте нормой будет отсутствие каких-либо событий. Это нормально, что со мной ничего не произошло. Ваш эксперимент на «Шоби» был испорчен внешними воздействиями. Мы же постараемся получить незамутнённый антиопыт.

Далзул посмотрел на Форист и Риель, обнял их и засмеялся:

— Сейчас вы анти-поймёте, *что* я не имею в виду. После той «автобусной экскурсии» я слонялся вокруг ИГЧ, раздражая их своими просьбами, пока наконец *Гвонеш* не разрешил мне сольный исследовательский полёт.

Мезклет пробился к ним сквозь толпу, толкая мохнатыми лапами маленькую тележку. Эти существа обожали вечеринки и хорошую еду. Они любили поить людей напитками и смотреть, как те начинают пьянеть и веселиться. Малыш остановился рядом с ними, надеясь заметить что-нибудь необычное в их поведении. Постояв немного, он побежал назад к теоретикам Анапресса, которые всегда были немного странными.

— Исследовательский полёт? С правом на первый контакт?

Далзул кивнул. Его внутренняя сила и врождённое достоинство обескураживали собеседников, но восторг и простодушная радость в каждом действии и слове были просто неотразимыми. Шан встречал многих выдающихся и мудрых людей, но ни у одного из них энергия не была такой яркой и чистой. И так по-детски беззащитной.

— Мы выбрали очень удалённую планету — Джи-14-214-йомо. На картах Экспансии она значилась как *Тадкла*, но люди, которых я там встретил, называли её *Ганам*. Восемь лет назад на эту планету отправили группу представителей Экумены.¹⁴ Стартовав с Оллуля, они уже набрали СКОКС — скорость околосветовую — и через тринадцать лет должны достигнуть цели. Мы не могли связаться с ними и сообщить о том, что я намерен *обогнать их корабль*. Тем не менее,¹⁵ ИГЧ одобрила эту идею. Им понравилось, что кто-то прилетит туда через тринадцать лет и в случае моего исчезновения узнает о причинах неудачи. Хотя теперь их миссия кажется мне почти бессмысленной. Когда они прилетят туда, Ганам уже станет членом Экумены!

Далзул посмотрел на собеседников, обжигая их страстным горящим взглядом.

— Чартен изменит всё! Когда транспереходы придут на смену космическим полётам... Когда между мирами не будет расстояний и мы начнём *контролировать время*... Я даже не могу вообразить, *что* это нам даст! Что это даст Экумене! Мы сделаем семью человечества единым домом, единым местом. А потом отправимся дальше и глубже! Любое наше действие в транспереходе объединяет нас с первичным моментом, который является

---

14 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

15 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

ритмом вселенной. Мы становимся едиными с ней. Мы устраняем время! На наших ладонях раскрывается *вечность*! Вы были *там*, Шан! Скажите, вы чувствовали то, о чём я говорю?

— Не знаю. Возможно...

— Хотите посмотреть видеозапись моего путешествия? — внезапно спросил Далзул. В его глазах сияло *озорство*. — Я взял с собой портативный видеопроектор.

— Да! — воскликнули Форист и Риель.

Они придвинулись к нему, как кучка заговорщиков. Мезклет засуетился, пытаясь увидеть то, на что они смотрели. Он забрался на тележку. Но ему всё равно не хватало роста.

Настраивая маленький визор, Далзул вкратце рассказал им о Ганаме. Это был один из самых удалённых посевов хайнской Экспансии. Пятьсот тысяч лет планета оставалась потерянной для космического сообщества, и о ней знали только то, что существа, населявшие её, имели человеческих предков. Вначале предполагалось, что корабль Экумены, летевший к этому миру, будет довольно долго наблюдать за ним с орбиты, скрытно или явно посылать вниз своих разведчиков, входя в контакт с местными жителями лишь в случаях острой необходимости. В подобных миссиях на сбор информации и обучение языкам уходило несколько лет. Но в полёте Далзула всё упростилось непредсказуемостью новой технологии. Его небольшой корабль вышел из чартена не в стратосфере, как это намечалось по плану, а в атмосфере — почти в ста метрах от поверхности планеты.

— У меня не было возможности сделать своё появление незаметным, — рассказывал он.

Видеозапись корабельных приборов подтверждала его слова. Глядя на маленький экран, они увидели, как серая равнина порта Ве¹⁶ исчезла внизу, когда судно взлетело с космодрома.

— Вот, сейчас! — воскликнул Далзул.

И через миг они уже смотрели на звёзды, сиявшие в чёрном небе, на жёлтые стены и оранжевые крыши города, на отблески солнечного света в широком канале.

— Вы видели? — прошептал Далзул. — Ничего не случилось. Абсолютно *ничего*.

Город накренился и приблизился. Залитые солнцем улицы и площади были заполнены людьми, и все они смотрели вверх, махая руками и выкрикивая слова, которые, наверное, означали: «*Смотрите! Смотрите!*»

— Мне пришлось принять эту ситуацию как свершившийся факт, — сказал Далзул.

---

16 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Деревья и трава дрогнули, а затем метнулись вперёд, когда сѹдно пошло́ на посадку. К кораблю уже бежали горожане. В основном это были мужчины: массивного телосложения, с тѣмно-красной кожей, бородатými лицами и голыми руками. На их головах покачивались замысловатые уборы, сплетѣнные из золотой проволоки и украшенные плюмажами из перьев. В ушах болтались большіе золотые сѣрѣги.

— *Гамане*, — сказал Далзул. — Люди Ганама. Правда красивые? И они не теряли время зря. Через полчаса весь город был у корабля. А вот это *Кет*. Потрясающая женщина, верно? Корабль встревожил горожан, и я решил показать им, что полностью отдаю себя в их рѹки.

Они видели то, о чѣм говорил Далзул. Видеокамеры корабля засняли его выход. Он медленно сошёл по трапу на траву и приблизился к собравшейся толпе. На нём не было ни оружия, ни одежды. Далзул неподвижно стоял перед кричавшими людьми, и свирепое солнце играло на его белой коже и серебристых волосах. Он широко раскинул рѹки ладонями вверх в жесте *мирного предложения*.

Пауза затянулась. Внезапно шум и разговоры среди гаман затихли, и из толпы вышло несколько человек. Видеокамера вновь показала Далзула. Он неподвижно стоял перед высокой стройной женщиной, при виде которой у Шана вырвался восхищённый вздох. Еѣ округлые плечи, чѣрные глаза́ и высокие скулы заставляли сердце трепетать от восторга. Дивные волосы были переплетены золотой тесьмой и уложены в форме прекрасной диадемы. Она заговорила с Далзулом.¹⁷ Еѣ звонкий голос казался чистым потоком, а слова́ лились как поэма, как ритуальная речь. Далзул ответил тем, что поднёс рѹки к сердцу, а затем протянул к ней открытые ладони.

Какое-то время женщина смотрела на него. Затем, произнеся одно звучное слово, она грациозно и медленно сняла тѣмно-красный жилет, оголила плечи и грудь, развязала пояс юбки и отбросила одежду прочь изящным и выверенным жестом. Их обнажённые телá на фоне притихшей толпы были удивительно прекрасными. Она протянула ему руку, и Далзул нежно сжал еѣ ладонь.

Они зашагали к городу. Толпа сомкнулась за ними и двинулась следом — безмолвная, неторопливая и удовлетворѣнная, будто эта церемония проводилась здесь множество раз. Несколько юношей задержались на поляне, решив рассмотреть корабль. Подбадривая друг друга, они подошли к нему — с любопытством и осторожностью, но без страха.

Далзул выключил видеопроектор.

— Вы заметили *разницу*? — спросил он Шана, но тот благоговейно промолчал.

Далзул с улыбкой осмотрел своих слушателей.

---

17 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Экипаж «Шоби» обнаружил, что индивидуальные переживания трансперехода могут стать когерентными только благодаря согласованным усилиям команды. Усилиям по синхронизации¹⁸ или, точнее, настройке. Когда они поняли это, им удалось устранить опасно возрасставшее фрагментарное восприятие. Они не только описали то место, где приземлился их корабль, но и дали адекватную оценку своей ситуации. Верно, Шан?

— Теперь это называют *хаотичным переживанием*, — ответил тот.¹⁹ Шан был ошеломлён огромной разницей между опытом Далзула и его собственными воспоминаниями о транспереходе.

— После полёта «Шоби» наши временнолитики и психологи изрядно попотели над чартен-теорией, увешав её громоздкими дополнениями, — сказал Далзул. — Моё же толкование покажется вам до смеха простым. Я считаю, что диссонанс восприятия, несогласованности и путаница переживаний в эксперименте «Шоби» были следствием неподготовленности вашей команды. Понимаете, Шан, каким бы хорошим ни был ваш экипаж, он состоял из представителей четырёх миров. А это четыре разные культуры! Я уже не говорю о возрастных различиях — две старые женщины и трое подростков! Если ответом на согласованный транспереход является чёткое функционирование в гармоничном ритме, мы должны сделать эту настройку лёгкой. То, что она вам удалась, — просто *чудо*. И конечно, простейшим способом обойти её был бы одиночный полёт.

— Как же мы тогда получим перекрёстную проверку переживаний? — спросила Форист.

— А зачем она нужна? Вы только что видели видеозапись моей посадки.

— Да, но наши приборы на «Шоби» тоже вышли из строя, — сказал Шан. — Многие из них оказались полностью разбалансированными. Их показания были такими же несогласованными, как и наши восприятия.

— Совершенно точно! Вы и приборы находились в едином поле настройки. Вы как бы *запутывали друг друга*. Но когда двое или трое из вас спустились на поверхность планеты, ситуация тут же изменилась к лучшему. Посадочная платформа функционировала идеально, а ландшафтная съёмка велась почти без помех — хотя и показывала сплошное безобразие.

Шан смущённо засмеялся:

— Да, то было *гадкое место. Планета-сортир*. Но, командир... Даже просматривая видеозапись, мы не могли понять, кто же действительно спускался на поверхность. Это одна из самых хаотичных частей всего эксперимента. Я помню, что спускался с *Гветером* и *Беттоном*. Почва под платформой начала оседать. Мне пришлось позвать их назад, и мы вернулись на судно. Судя по моему восприятию, посадка выглядела вполне когерентной. Но, по мнению Гветера, он спускался с Беттоном и Тай, а не со мной. Он услышал, как Тай позвала его по рации, и вернулся с нашим мальчиком на

18 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

19 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

корабль. Что касается Беттона, то он спускался с Тай и со мной. Заметив, что его мать сошла с платформы, он не подчинился моему приказу и остался на поверхности. ГвETER тоже видел это. Они вернулись без неё и увидели Тай уже в рубке, на мостике. Сама Тай говорит, что вообще не спускалась на посадочной платформе. Каждая из четырёх историй является нашим свидетельством. Они в равной степени верны и в равной степени ложны. Видеозапись ничего не прояснила — приборы так и не показали лиц за стёклами скафандров. А в этой куче дерьма на поверхности планеты все фигуры выглядели одинаково грязными и однообразными.

— Вот именно! — с улыбкой воскликнул Далзул. — Темнота, дерьмо и хаос, увиденные вами, были засняты и видеокамерами вашего корабля! А теперь сравните это с записью, которую мы только что смотрели! Солнечный свет, красивые лица, яркие цвета — всё сияющее, радостное, чистое! И только потому, что в моём опыте отсутствовали наложения и помехи.²⁰ Вы понимаете, Шан? Китяне говорят, что чартен-поле является глубинным ритмом вселенной — вибрацией конечных волн-частиц. Транспереход представляет собой функцию ритма, создающего бытие. Согласно китянской духовной физике, мы получаем доступ к вибрациям, которые позволяют человеку *становиться вечным и вездесущим*. Моя экстраполяция заключается в том, что группа людей при транспереходе должна сохранять почти идеальную синхронность, иначе точка прибытия не будет восприниматься ими гармонично — то есть одинаково и точно. Моя интуитивная догадка оказалась верной: в одиночном полёте чартен переживается нормально, в то время как десять человек ощущают при этом хаос или нечто худшее.

— А что почувствуют четыре человека? — спросила Форист.

— В этом случае ситуация поддаётся контролю, — ответил Далзул. — Честно говоря, мне хотелось бы слетать ещё раз одному или с напарником. Но, как вы знаете, наши друзья на Анарресе не доверяют тому, что они называют *эгоизацией*. По их мнению, *этика не доступна одиночкам и является феноменом группы*. Кроме того, они полагают, что в эксперименте «Шоби» присутствовал какой-то неучтённый элемент. Они убеждены, что группа может переносить чартен так²¹ же хорошо, как и один человек. Но как нам это доказать без новых данных? Короче, я пошёл на компромисс. Я сказал им: *отправьте меня в полёт с двумя или тремя хорошо совместимыми и правильно мотивированными компаньонами. Пошлите нас обратно на Ганам, и давайте посмотрим, что получится!*

— Одной мотивировки недостаточно, — сказал Шан. — Я должен быть предан этой команде. Я должен принадлежать ей целиком и полностью.

Риель кивнула Форист, как всегда настороженная и внимательная, спросила:

— Значит, мы будем *настраиваться друг на друга*, командир?

---

20 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

21 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Да, так долго, как вам захочется, — ответил Далзул. — Но есть нечто более важное, чем практика. Скажите, Форист, вы поёте? Или, может быть, играете на каком-то инструменте?

— Мне нравится петь, — сказала Форист.

Риель и Шан кивнули, когда Далзул посмотрел на них.

— Попробуем это? — спросил он. И начал тихо напевать старый марш «Улетая к Западному морю» — песню, которую знал каждый человек, рождённый в лагерях и бараках Терры.

Риель подхватила мотив, потом к ним присоединился Шан, а за ним и Форист, которая удивила всех низким и звучным контральто. Несколько человек, стоявших рядом с ними, повернулись, чтобы послушать слаженную песню, и она постепенно заглушила многоголосый шум толпы. Мезклет стрелой метнулся к ним, забыв о своей тележке. Его глаза расширились от восторга и стали яркими от слёз. А четверо астронавтов закончили песню долгим и мягким аккордом.

— Вот и вся настройка, — произнёс Далзул. — *Только музыка поможет нам добраться до Ганамы.* Прав был тот поэт, который назвал вселенную безмолвной мелодией наших сердец.

Форист и Риель подняли бокалы.

— За музыку! — воскликнул Шан и, наслаждаясь счастьем, отпил глоток шипучего напитка.

— За команду «Гэльбь», — добавил Далзул, поддержав его тост.

Специалисты, наблюдавшие за формированием команды, согласились сократить срок подготовки до минимума. Большую часть этого времени Шан, Риель и Форист обсуждали сложности чартен-проблемы — с командиром и без него. Они столько раз смотрели корабельные видеозаписи и заметки Далзула, сделанные им на Ганаме, что запомнили их наизусть. И потом часто благодарили себя за это.

— Мы вынуждены принимать все его слова и впечатления как объективные факты, — пожаловалась Форист. — Но как мы можем проконтролировать их истинность?

— Его отчёт и бортовые видеозаписи полностью соответствуют друг другу, — ответил Шан.

— Если теория Далзула верна, это свидетельствует лишь о том, что он и судовые приборы были настроены друг относительно друга. Значит, реальность корабля и аппаратуры может восприниматься нами только так, как она воспринималась человеком или другим разумным существом в момент трансперехода. Китяне говорят, что чартен-проблема возникает лишь тогда,

когда в процесс вовлекается разум. В полёт отправляют зонд-автомат²² — и никаких осложнений. Эксперименты с амёбами и сверчками проходят успешно и без проблем. Но стоит послать в транспереход разумных существ, как всё летит вверх тормашками. Теория перестаёт работать, и люди воспринимают хаос. Ваш корабль стал запутанным клубком из десяти различных реальностей. Его приборы покорно фиксировали диссонансы, пока не сломались или не потеряли балансировку. Лишь когда вы объединились и начали *конструировать согласованную реальность*, корабль откликнулся на неё и восстановил регистрацию событий. Верно?

— Да, — ответил Шан. — Мы привыкли жить в стабильной структуре мироздания, и, когда она превращается в хаос или десяток переплетённых вариантов, это здорово бьёт по нервам.

— Всё во вселенной иллюзорно, — безжалостно сказала Форист. — Наш реальный мир — просто одна из лучших человеческих иллюзий.

— Но музыка первична, — возразил ей Шан. — И танцуя, люди сами становятся музыкой. Я думаю, мы можем воплотить в реальность тот мир, который увидел Далзул. Мы можем станцевать для Ганама.

— Мне это нравится, — сказала Риель. — Но помните: теория иллюзии требует, чтобы мы не верили заметкам Далзула и видеозаписям корабля. Они иллюзорны. С другой стороны, Далзул бывалый наблюдатель и превосходный аналитик. У нас нет причин для недоверия к его словам, если только мы не приняли предположение, основанное на эксперименте «Шоби». А оно говорит, что *чартен-переживание обязательно искажает восприятие и его оценку*.

— В заметках Далзула есть элементы очень распространённой иллюзии, — добавила Форист. — Я имею в виду принцессу, которая якобы ожидала нашего героя, чтобы отвести его, голого и смелого, в свой дворец, а затем, после церемоний и любезностей, отдаться ему по-королевски. Вы заметили? У него даже секс имеет небесное качество. Я не говорю, что не верю этому, — меня там не было. Слова Далзула могут оказаться чистой правдой. Но я хотела бы узнать, как эти события воспринимала сама принцесса?

До того как «Гэльбу» оснастили чартен-аппаратурой, она считалась обычным хайнским кораблём внутрисистемного класса «зеркало». Маленький корпус, похожий на пузырь, имел такие же размеры, как посадочная платформа «Шоби». Входя внутрь, Шан почувствовал неприятный холодок, который пробежал по его спине. Ему вдруг вспомнились хаотичные и бессодержательные переживания чартена. Неужели им снова придётся пройти через это? И вернётся ли он когда-нибудь назад? Мысль о Тай наполнила его сердце тревогой и болью. Её уже не будет рядом с ним, как в прошлый раз. Милая Тай, которую он полюбил на борту «Шоби». И Беттон, чистосердечный мальчуган... Они могли бы быть сейчас вместе. О, как они ему нужны!

---

22 В оригинале «зондавтомат» слитно, без дефиса, причём далее следовала запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Форист и Риель проскользнули в люк, за ними по трапу поднялся Далзул. Вокруг него ощущалась мощная, почти видимая концентрация энергии — аура, ореол или яркость бытия. *Неудивительно, что юнисты считали его богом*, подумал Шан. И *эта* мысль была такой же церемониальной, как благоговейное приветствие, оказанное Далзулу гаманами. Его переполняла *мана*²³ — сила, на которую откликались другие люди. На которую они теперь настраивались. Тревога Шана улеглась. Он знал, что *рядом с Далзулом не будет хаоса*.

— Они считают, что нам легче контролировать маленький «пузырь», а не мой предыдущий корабль. На этот раз я постараюсь не выходить из трансперехода над крышами города. Немудрено, что после *такого* появления гамане приняли меня за божество, материализовавшееся в воздухе.

Шан уже привык к тому, что Далзул, будто эхо, откликался на мысли своих товарищей. Они находились в синхронизации, и такой феномен был лучшим её доказательством. В этом и заключалась их сила.

Они заняли свои места: Далзул — за чартен-пультом, Риель — у мониторов А-1, Шан — в кабине пилота, а Форист за ними как аналитик и дублёр. Далзул осмотрел их лица и кивнул. Шан поднял корабль на пару сотен километров от порта Ве²⁴. Кривая дуга планеты упала вниз, и звёзды засияли под их ногами, вокруг и выше.

Далзул запел: не мелодию, а *ноту* — глубокую полновесную «ля», Риель взяла её на октаву выше, Форист подхватила промежуточную «фа», и Шан ответил им ровным «до», словно он был музыкальным чартен-органом. Риель перешла на высокое «до». Далзул и Форист запели трезвучие. И когда аккорд изменился, Шан уже не знал, кто какую ноту пел. Он вошёл в сферу звёзд и сладкогласных частот, разбухавших и тускневших в долгом унисоне. А потом Далзул прикоснулся к пульту, и жёлтое солнце осветило высокое синее небо, раскинувшееся над странным незнакомым городом.

Шан взял управление на себя. Под кораблём замелькали пыльные площади, дома, оранжевые и красные крыши.

— Давайте остановимся *там*, — сказал Далзул, указывая на зелёную полосу у канала.

Шан повёл «Гэльбу» по пологой планирующей дуге и мягко, словно мыльный пузырь, опустил её на траву. Он осмотрел ландшафт за прозрачными стенами.²⁵

— Голубое небо, зелёная трава, время около полудня, к нам приближаются местные, — сказал Далзул. — Правильно?

— Правильно, — ответила Риель.

Шан засмеялся.

23 Мана, мана (из полинезийского, язык народности маори, Māori) — особая магическая или сверхъестественная сила, а также предмет или лицо, обладающее такой силой; в обобщённом смысле власть, авторитет и харизма. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

24 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

25 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Ни одного сбоя в ощущениях, никакого хаоса в восприятии. На этот раз они обошлись без ужасов неопределённости.

— Мы выполнили чартен! — с восторгом выкрикнул он. — Мы сделали это! Мы *танцевали*!

Люди, работавшие на полях у канала, сбились в кучу и смотрели на корабль. Судя по всему, они не смели подойти к «упавшей звезде». Но вскоре на пыльной дороге, ведущей из города, появилась большая процессия.

— А вот и комитет по организации встречи, — пошутил Далзул. Они сошли по трапу и стали ждать. Напряжённость момента ещё больше усиливала необычную чёткость эмоций и ощущений. Шан чувствовал, что знает эти красивые зубчатые контуры двух вулканов, которые, словно грозные часовые, охраняли границы города. Он узнавал их как далёкое незабываемое воспоминание. Он узнавал запах воздуха, трепет света и тени под листвой. «Я здесь, — сказал он себе с радостной уверенностью. — Я здесь и сейчас, и отныне во вселенной нет расстояний и разобщённости».

То было напряжение без страха. Мужчины в высоких головных уборах с плюмажами, с бородами по грудь и крепкими руками, подошли и остановились перед ними. Их бесстрастные лица выражали спокойное величие. Пожилой мужчина кивнул Далзулу и сказал:

— Сем Дазу.

Командир прикоснулся ладонью к груди и развёл руки в стороны:

— *Виака!*

Кто-то в толпе закричал:

— Дазу! Сем Дазу!

И многие повторили приветственный жест терран.

— Виака, — сказал Далзул, — бейя. *Друзья*.

Он представил своих спутников, называя их имена после слова «друг».

— Фойес, — повторил старик. — Шан. Ией.

Запутавшись с произношением «*Риель*», Виака слегка нахмурился:

— Друзья. Приветствуем вас. Добро пожаловать в Ганам.

Во время своего первого краткого визита Далзул записал для хайнских лингвистов лишь несколько сотен слов. На основе этой скудной информации они и их мудрые аналитики создали небольшой грамматический словарь, пестревший знаками вопросов в круглых скобках.

Шан добросовестно изучил его от корки до корки. Он вспомнил слова «бейя» и «киюги» — *приветствуем (?)*²⁶, *будьте как дома (?)*. Лингвистка-хилфер Риель должна была дополнить этот справочник.

— Я предпочитаю изучать язык среди людей, которые говорят на нём, — сказал как-то Далзул.

Когда они зашагали к городу по пыльной дороге, яркость впечатлений начала перегружать сознание Шана. Пейзаж сливался с маревом зноя и отблесками света. Сознание переполняли блеск золота и взмахи перьев, мелькание красных и жёлтых глиняных стен, красных, как глина, голых торсов и плеч. Перед глазами трепетали пурпурные и оранжевые накидки, тёмно-коричневые полосатые жилеты и килты. Гостей затопили запахи масла, ладана и пыли, зловоние дыма, пота и подгорелой пищи, шум множества голосов, стук сандалий и шлёпанье босых ног по камню и земле, звон колокольчиков и гонгов, оттенки, прикосновения и ритмы мира, где всё было чужим и в то же время знакомым. Этот маленький город из камня и глины, величественный, грубый и человечный, с резными колоннами, пылавшими в свете золотого солнца, выглядел самым диким и чуждым местом из всего того, что Шан когда-либо видел. Но ему казалось, будто он *вернулся домой после долгих скитаний по дальним мирам*. Глаза застлали слёзы. «Теперь мы едины, — подумал он. — Между нами больше нет расстояний и времени. Один шаг через вечность —²⁷ и мы вместе». Он шёл рядом с Далзулом и слышал, как люди степенно приветствовали его. *Сем Дазу, говорили они. Сем Дазу, киюги. Ты вернулся домой.*²⁸

В первый день такая эмоциональная перегрузка была просто невыносимой. Иногда Шан думал, что вообще теряет разум. Интенсивный поток восприятия²⁹ влиял на процесс мышления и замедлял его.

— Да плюньте вы на этот процесс, — со смехом ответил Далзул, когда Шан рассказал ему о своей проблеме. — Не так уж часто человек становится ребёнком.

И он действительно ощущал себя ребёнком — без ментального контроля над событиями, без всякой ответственности за них. Они происходили сами по себе, ожидаемые или невероятные, а он был их частью и одновременно свидетелем.

Гамане хотели сделать Далзула своим королём. Нелепое, но вполне естественное желание. Возможно, их правитель умер, не оставив наследника, и тут с небес спустился красивый мужчина с серебристыми волосами. Принцесса, охнув, сказала: «*Вот это парень*», — но мужчина куда-то исчез и позже вернулся с тремя странными спутниками, которые могли показывать чудеса. Да, такой герой годился только в короли. А что ещё с ним делать?

26 В оригинале после вопросительного знака без закрывающей скобки. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

27 В оригинале запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

28 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

29 В оригинале «восприятии». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Риель и Форист с большой неохотой приступили к сбору слухов и поиску исторических сведений. План Далзула лишал их выбора. Он считал, что королевский сан является почётным званием, а не правом на власть. И его спутникам пришлось согласиться, что ему, возможно, лучше исполнить желание гаман. Пытаясь оценить перспективу сложившейся ситуации, экипаж разделился надвое. Женщины поселились в доме рядом с рынком, где каждый день общались с простыми людьми и радовались свободе передвижения, которую потерял Далзул. Королевский сан, как он однажды пожаловался Шану, налагал на него две неприятных обязанности — постоянное пребывание во дворце и соблюдение многочисленных табу.

Шан остался с Далзулом. Виака поселил его в одном из крыльев беспорядочно построенного глиняного дворца. Здесь же жил один из родственников Виаки по имени *Абуд*. Этот юноша помогал ему вести домашнее хозяйство. От Шана никто ничего не ожидал — ни Далзул, ни городские власти. Его время принадлежало только ему. Он лишь помнил, что ИГЧ просила их провести на Ганаме тридцать дней. И эти дни текли как весенняя вода. Он пытался сделать что-нибудь полезное для Экумены, но все его начинания упирались в огромное нежелание прерывать поток переживаний из-за каких-то разговоров и аналитических суждений. *Всё равно ничего не происходит*, улыбаясь, говорил себе Шан.

Единственным событием, вышедшим за рамки повседневности, стал день, который он провёл с племянницей (?) Виаки и её супругом (?). Шан несколько раз пытался определить систему родства у гаман, но вопросительные знаки оставались на прежних местах. По каким-то причинам молодая пара не пожелала назвать ему своих имён. Они просто пригласили его на прекрасную прогулку к водопаду, который грохотал на склоне огромного вулкана *Йянанам*. Из их слов Шан понял, что они хотели показать ему своё *святилище*. И был сильно удивлён, обнаружив, что свято чтимый водопад приводит в действие *священную динамо-машину*.

Гамане, как объяснили его спутники, — или, вернее, как ему удалось интерпретировать их рассказ, — довольно неплохо разбирались в принципах *гидроэлектричества*. К сожалению, они почти ничего не знали об аккумуляторах и поэтому практически не использовали силу, которую могли бы собрать. Молодая пара больше говорила о природе электрического тока, чем о его применении. Шан с трудом улавливал смысл их слов. Ему захотелось узнать, зачем гамане установили динамо-машину. Но запаса слов хватило лишь на фразу *«Это куда-нибудь идёт?»* В подобные моменты, неприятные и обидные для него, он чувствовал себя полумразумным ребёнком.

— Да, — ответила молодая женщина, — сила уходит в *инканем*, когда *басеммиак вада*.

Шан кивнул и записал свои впечатления на плёнку. Его спутники с восторгом наблюдали, как на маленьком экране диктофона появлялись крохотные буквы и символы. Как и все гамане, они считали это чудом или доброй магией.

Шан вышел на террасу перед небольшим строением, где находилась динамо-машина. Широкая площадка была выложена гладкими каменными плитами, которые создавали сложный запутанный узор. Его спутники начали что-то объяснять, указывая на стремительный поток. Среди быстрых сияющих струй воды он заметил какой-то блестящий предмет, но так и не понял, что это такое. «Хеда, табу», — сказал ему юноша — слово, которое Шан уже знал от Далзула. До сих пор ему не приходилось сталкиваться с хеда. Молодые люди завели друг с другом разговор, и Шан пару раз уловил имя «Дазу», произнесённое печальным тоном. Но он снова не понял, о чём шла речь. Они подошли к маленькой глиняной усыпальнице, и оба его спутника почтительно положили на холмик по листу с ближайшего дерева. Чуть позже в косых лучах предзакатного солнца они спустились вниз по склону горы.

Обогнув скалу на повороте крутой тропы, Шан увидел огромную долину и два других далёких города, едва заметных в золотистой дымке. Не веря своим глазам, он остановился, а затем с тревогой осознал своё удивление. Он вдруг понял, как сильно его всосал неторопливый быт Ганама. Шан успел забыть, что этот маленький город был лишь крохотной точкой на большой планете. Указав рукой на далёкие поселения, он спросил у спутников:

— Это принадлежит гаманам?

Обсудив между собой его вопрос, молодые люди ответили:

— Нет. Гаманам принадлежит только Ганам. А те поселения — это другие городá.

Неужели Далзул ошибся, приняв Ганам за всю планету? Может быть, это слово предназначалось только для города и его окрестностей?

— Тегуд ао? Как это называется? — спросил он, похлопав ладонью по земле, а затем описав руками круг, который охватывал долину, гору за их спинами и второй вулкан перед ними.

— Нанам тегудъех, — ответила племянница (?) Виаки.³⁰

Её муж (?) не согласился с таким определением. Они спорили об этом почти до самого города. Шан воздержался от дальнейших расспросов. Положив диктофон в карман, он наслаждался прохладой вёчера, прогулкой и прекрасным видом тропы, которая спускалась по склону к золотым воротам Ганама.

На следующий день — или, возможно, *через день* — его навестил Далзул. Шан в тот момент находился в дальней части дворца и подрезал фруктовые деревья, посаженные в небольшом огороженном дворике. Секатор имел тонкие, слегка изогнутые лезвия — стальные и острые как бритва. Отшлифованные деревянные рукоятки были украшены изящной резьбой.

---

30 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Красивый инструмент, — сказал он Далзулу. — И прекрасное занятие. Забота о деревьях издавна считалась на Терре искусством. Его азам меня научила бабушка. Я не занимался им с тех пор, как стал обитателем Экумены. Гамане тоже хорошие садовники. Вчера двое из них показывали мне водопад.

Разве это было *вчера*? Хотя какая разница? Время больше не имело продолжительности — только *интенсивность*. Время стало узором, сотканным из интервалов и пауз. Шан взглянул на дерево, осознавая внутренние ритмы ствола и гармоничные интервалы ветвей. Годá — цветы, миры — плоды...

— Забота о деревьях сделала меня поэтом, — сказал он, поворачиваясь к Далзулу. — Что-нибудь не так?

Взгляд командира походил на подпрыгнувший пульс, фальшивую ноту, ошибочный шаг при танце.

— Я не знаю, — ответил Далзул.³¹ — Давайте посидим немного.³²

Они устроились в тени балкона на каменных ступенях.

— Наверное, я слишком сильно полагался на свою интуицию, стараясь понять этих людей, — сказал Далзул. — Я следовал чутью, а не сдержанности, изучал язык из уст, проходя мимо книг... Не знаю. Что-то пошло не так.

Слушая командира, Шан смотрел на его сильное и красивое лицо. Неистовый солнечный свет покрыл загаром белую кожу, окрасив её в более человеческие тона. Далзул был одет в рубашку и штаны, но его седые волосы свободно спадали на плечи, как у всех местных мужчин. Он носил на голове узкий обруч, сплетённый из золота, и тот придавал ему варварский величественный вид.

— Да, они *варвары*, — сказал Далзул, в который раз угадывая мысли Шана. — Возможно, ещё более примитивные и жестокие, чем я думал раньше. Этот королевский сан, которым они решили меня наделить... Боюсь, он означает не только почести и священнодействия. Я понял, что здесь замешана *политика*. Согласившись стать их королём, я, похоже, нажил себе соперника.³³ Врага!

— И кто он?

— Акета.

— Я не знаю его. Он живёт во дворце?

— Нет. Этот человек не из окружения Виаки. По-видимому, он был в отъезде, когда я появился здесь в прошлый раз. Насколько я понял Виаку, этот Акета считает себя наследником престола и законным супругом принцессы.

— Принцессы Кет?

---

31 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

32 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась и начинается описание последующих событий. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

33 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Шан ещё не встречался с принцессой. Надменная и красивая женщина всегда оставалась на своей половине дворца, и даже Далзул навещал её только по разрешению.

— А что она сама говорит об Акете? Разве принцесса не на вашей стороне? Ведь это *она выбрала вас*, а не вы её.

— Она говорит, что я буду королём, — что это твёрдое решение. Но Кет неверна мне. Она *покинула дворец*. И, насколько я знаю, ушла в дом Акеты! О, мой Бог! Неужели во вселенной есть мир, где мужчины понимают женщин?

— Да, это *Гетен*³⁴, — ответил Шан.

Далзул засмеялся, но его лицо осталось мрачным и напряжённым.

— Вы и Тай — *партнёры*, — помолчав, сказал он Шану. — Возможно, в этом ответ. В своих отношениях с любой из женщин я никогда не достигал момента *единения*. Я не знал, *что* ей нужно в действительности и *кто* она на самом деле. А что, если *смириться*? Может быть, тогда и придёт *эта близость*?

Шана тронуло, что Далзул, прославленный герой и повидавший жизнь мужчина, задавал ему *такие* вопросы.

— Не знаю, — ответил он. — Мы с Тай... Я чувствую её как свою половинку. Но любовь — это путаное дело. Что же касается принцессы... Риель и Форист изучают язык и беседуют со многими людьми. Спросите у них? Они сами женщины и, возможно, уловили какие-то нюансы.

— Они — *трансвеститы*. Именно поэтому я и выбрал их. С двумя настоящими женщинами психологическая динамика могла бы усложниться.

Шан промолчал.³⁵ Он почувствовал какое-то *недопонимание*, будто что-то важное вновь оказалось пропущенным. «*Интересно, — подумал он, — знает ли командир о моих сексуальных пристрастиях до встречи с Тай?*».

— А что, если Кет *ревнует* меня к Форист или Риель? — задумчиво сказал Далзул. — Или даже к обеим? Она может воспринимать их как моих сексуальных партнёров. Ревность женщины — это змеиное гнездо! Но как мне объяснить принцессе, что они ей не соперницы? Для успешного полёта нам требовался дружный экипаж. Конечно, я предпочёл бы иметь дело с мужчинами, но мне пришлось подстраиваться под старейшин Хайна — а это в основном пожилые женщины. Я пригласил в команду вас и Тай, супружескую пару. И когда ваша партнёрша отказалась, эти две подруги показали мне лучшим решением. Они прекрасно справляются со своими

34 Подразумевается населённая уникальными андрогинами планета Ледникового Периода под названием Гетен, которую первые тайные исследователи из Экумены ёмко и точно прозвали Зима — события на этой планете происходят в научно-фантастической повести с эпохально-мистическим уклоном «Левая рука Тьмы» (в оригинале «The Left Hand of Darkness», 1969 год) и в написанном за год до неё рассказе «Король планеты Зима»; оба произведения также из *Хайнского цикла* (Hainish) (автор Урсула Кроубер Ле Гуин/Ursula Kroeber Le Guin). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

35 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

обязанностями, но я сомневаюсь, что им захочется делиться со мной своими потаёнными мыслями, которые блуждают в их умах. Тем более о такой сексуальной женщине, как принцесса.

Шан снова почувствовал тревожный пульс *несоответствия*. Пытаясь избавиться от путаницы в голове, он потёр ладонью шершавый камень ступени.

— Если этот королевский сан связан с политикой, а не с религией, — сказал он, возвращаясь к первоначальной теме, — то может быть, вам просто... снять свою кандидатуру?

— *Политика и религия всегда идут бок о бок*. Теперь только бегство может избавить меня от их предложения. А что? Сядем в корабль, используем чартен и вернёмся в порт Ве³⁶.

— Мы можем перелететь на «Гэльбе» в любую часть планеты, — напомнил Шан. — Заодно посмотрим, как люди живут в других городах.

— Судя по тому,³⁷ что рассказал мне Виака, уход Кет — это не просто измена. Её поступок вызван *расколом религиозной общины*. Если Акета придёт к власти, он натравит своих последователей на Виаку и его людей. Они говорили мне, что *для истинной и священной персоны короля необходимо кровавое жертвоприношение*. Религия и политика! Почему я был так слеп? Почему позволил мечте заслонить реальность? Мне казалось, что мы нашли примитивный идиллический мир, а он оказался жестоким скопищем варваров. Здесь господствуют интриги и разврат! И у них остры не только секаторы, но и боевые мечи!

Внезапно его лицо озарила улыбка, а светлые глаза засияли.

— Но эти люди *прекрасны*! Они воплощают в себе всё, что мы утратили среди книг, индустрии и науки. Они так непосредственны и чисты, так страстны и реальны в своих порывах. Я люблю их, и, если они решили сделать меня своим королём, мне просто придётся занять трон, надев на голову корзину из перьев. А пока я должен разобраться с Акетой и его командой. Единственный подход к нему возможен через нашу мрачную принцессу. Я нуждаюсь в вашей помощи, Шан. Сообщайте мне всё, что вам удастся узнать.

— Если вам нужна моя помощь, сэр, вы её получите, — растроганно ответил Шан.

Проводив командира, он решил сделать то, что Далзулу не позволяла его странная гетеросексуальная предвзятость. Он отправился к Форист и Риель, чтобы попросить у них совета.

Шан вышел из дома и зашагал через шумный ароматный рынок, пытаясь вспомнить, когда он был здесь в последний раз. С тех пор прошло уже несколько дней. А чем он занимался? Работал в садах, поднимался на

---

36 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

37 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

гору Йянанам к водопаду, где стояла динамо-машина... И где он видел другие городá! А его секатор был *стальным*. Значит, эти люди *выплавляли сталь*! Но где тогда их литейный цех? Возможно, они получали её в обмен на продукты. Ум, как медленный жернов, перемалывал вопросы в бессмысленную труху. Шан вошёл в уютный дворик и увидел Форист, которая сидела на террасе и читала книгу.

— О! — воскликнула она. — Гость с другой планеты!

Как же давно он здесь не был. Дней восемь или десять?

— Где ты пропадала? — спросил Шан, стараясь скрыть за словами смущение.

— Сидела здесь и ждала тебя.³⁸ Риель!

Форист посмотрела на балкон. Над перилами приподнялись несколько голов, одна из которых, с курчавыми волосами, радостно закричала:

— Шан! Я сейчас спущусь!

Риель принесла с собой горшочек с семенами *типу* — вездесущим лакомством в Ганаме. Они сели на террасе — *лица* в тени, остальное на солнцепёке — и начали щёлкать семена. *Типичные антропоиды*, как сказала Риель. Она встретила Шана с дружеской теплотой. Но обе женщины вели себя *настороженно*. Они наблюдали за ним и ни о чём не спрашивали, будто ожидали увидеть признаки... Признаки чего? Сколько же дней он не встречался с ними?

Его тело *содрогнулось* от внезапной *тревоги*. Ритм мира нарушился, и этот пропущенный такт был таким основательным, что Шан упёрся руками в тёплый песчаник. *Неужели землетрясение? А что?* — успокаивал он себя. *Город построен между двумя вулканами. Пусть они спят, но толчки иногда сотрясают землю. От стен отваливаются куски глины, с крыши летит оранжевая черепица...*

Форист и Риель внимательно смотрели на него. Почва не тряслась, и ничего не падало.

— У Далзула возникла проблема, — сказал он.

— Она должна была возникнуть, — невозмутимо ответила Форист.

— В городе объявился претендент на трон — наследник или просто авантюрист, стремящийся к власти. Принцесса ушла к нему. Но она по-прежнему говорит Далзулу, что тот будет королём. Если его соперник взойдёт на престол, он уничтожит всех, кто стоит на стороне Виаки и Далзула. Наш командир надеется избежать кровопролития и пытается решить эту неприятную ситуацию.

— О, он бесподобен в своих решениях, — сказала Форист.

---

38 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Тем не менее,³⁹ Далзул чувствует, что попал в тупик. Ему непонятна та роль, которую играет принцесса. Я думаю, что это самая большая из его проблем. Поведение принцессы остаётся для меня загадкой. Но, может быть, вы догадываетесь, *почему* она сначала бросилась в объятия Далзула, а затем ушла к его сопернику?

— Подожди. Ты говоришь о *Кет*? — осторожно спросила Риель.

— Да, он называет её *принцессой*. А разве это не так?

— Я не знаю, *что* Далзул подразумевает под *этим* словом. Оно имеет множество вторичных значений.⁴⁰ Если мы остановимся на определении «*королевская дочь*», то оно не будет соответствовать истине. *Здесь нет королей*.

— Да, в настоящее время.

— *Вообще*, — сказала Форист.

Шан подавил вспышку гнева. Он устал быть непонятливым мальчиком. Впрочем, Форист всегда отличалась безжалостной категоричностью.

— Послушайте, — сказал он, обращаясь к обеим женщинам, — я, наверное, чего-то не знаю. Просветите меня. Мне казалось, что прежний король скончался, оставив после себя единственную дочь. Народ решил найти ей достойного супруга, и в это время с небес к ним спустился Далзул. Его чудесное появление было воспринято как божественное указание. *Вот тот мужчина, кто будет держать скипетр*, сказали они. Разве это не так?

— Насчёт божественного указания ты, возможно, прав, — сказала Риель. — Это определённо относилось к священным вопросам.

Она нерешительно взглянула на Форист, и Шан понял, что обе женщины разделяли одно и то же мнение. Но в данный момент они не хотели принимать его в свой круг. Они больше не были одной командой. Что означала эта странная отчуждённость?

— А кто соперник Далзула? — спросила Форист. — Кто претендент на престол?

— Мужчина по имени Акета.

— *Акета*?!

— Вы знаете его?

Они снова переглянулись друг с другом. Форист повернулась и посмотрела ему прямо в глаза.

— Мы *вышли из синхронизации*, Шан, — сказала она. — Я подозреваю, что у нас возникла чартен-проблема. Какая-то разновидность хаотического переживания, которое ты имел на «Шоби».

---

39 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

40 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Здесь? Сейчас? После того, как мы пробыли на планете дни и недели?

— Где здесь? — бесстрастно спросила Форист.

Шан похлопал ладонью по каменной плите:

— Смотри! Мы находимся во дворе вашего дома. Тут нет и намёка на хаотическое переживание. Мы *разделяем эту реальность* — разделяем её когерентно, созвучно! Мы сидим на террасе и едим семена типу!

— Я тоже в этом убеждена, — ласково сказала Форист, словно Шан был больным капризным ребёнком. — Но, возможно, мы... переживаем эту реальность немного иначе.

— Это происходит со всеми, где угодно, — возразил он ей.⁴¹ Форист придвинула к нему *книгу*, которую читала, когда он вошёл. *Томик стихов в изящном переплёте? Но на «Гэльбе» не было книг! Плотная коричневая бумага...* Такие древние рукописные книги он видел в терранской библиотеке Нью-Каира. Не том, а кирпич, подушка, корзина. Книга на незнакомом языке, с резными деревянными обложками и золотыми шарнирными петлями.

— Что *это*? — почти неслышно спросил Шан.

— Священная история городов под Йянанамом, — ответила Форист. — Так нам сказали.

— Одна из *их* книг, — добавила Риель.

— Они неграмотные варвары, — возразил Шан.

— Лишь некоторые из них, — ответила Форист.

— Вернее, многие, — сказала Риель. — Однако торговцы и жрецы умеют читать. Эту книгу дал нам Акета. Мы обучаемся у него языку и письменности. Он превосходный учитель.⁴²

— Мы считаем, что он учёный и жрец, — пояснила Форист. — В этом городе есть люди, которые выполняют особые функции. Эти обязанности настолько связаны с религией, что мы могли бы назвать их духовными, но на самом деле они больше похожи на ремёсла, профессии и занятия. Они очень важны для гаман и всей структуры их общества. Для каждой из них требуется определённый человек. Если местá остаются вакантными, ситуация выходит из-под контроля. Это как если бы ты имел талант, не использовал его и в результате страдал расстройством психики. Многие функции приурочены к сезонным событиям — например, роли, которые люди выполняют на ежегодных праздниках. Но некоторые обязанности действительно очень важны и престижны — причём предназначены только для мужчин. По нашему мнению, местные мужчины обретают свой статус лишь после того, как принимают на себя какую-нибудь духовную обязанность.

— Мужчины выполняют в городе основную работу, — возразил Шан. — Зачем им какой-то статус, если от них и так всё зависит?

41 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

42 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Я не знаю, — ответила Форист.

Нехарактерная для неё любезность подсказала Шану, что он ещё не взял над собой контроль.

— Мы считаем, что это общество лишено полового доминирования. Здесь нет разделения труда по половым признакам, хотя из всех видов брака наиболее общим является *многомужие* — по два-три мужа на семью. Многие женщины вообще не вступают в гетеросексуальные⁴³ связи, потому что склонны к *ихеа* — групповым гомосексуальным отношениям с тремя, четырьмя или более подругами. Интересно, что среди мужчин ничего подобного не наблюдается...

— Проще говоря, у принцессы Далзула есть несколько мужей, и *Акета* входит в их число, — сказала Риель. — Между прочим, его имя переводится как «*первый и родовой муж Кет*». Родовая связь говорит о том, что их предки появились из одного и того же вулкана. Во время предыдущего визита Далзула он по каким-то делам находился в долине *Спонта*.

— Мы считаем, что Акета занимает очень высокий духовный пост. Возможно, это объясняется тем, что он муж Кет, а она здесь очень важная персона. Судя по всему, его статус является самым престижным среди мужчин. И нам кажется, что *местные мужчины наделяются статусом для компенсации их ущербности — ведь они не могут рожать детей*.

Шан снова почувствовал порыв гнева. *По какому праву эти женщины читали ему лекцию о половых различиях и маточной зависти?* Ярость, как морская волна, наполнила его солёной злобой, затем отхлынула и исчезла. Рядом с ним сидели его хрупкие сёстры, и солнечные пятна играли на каменных плитах.

Он посмотрел на странную тяжёлую книгу, раскрытую на коленях Форист, и спросил:

— О чём в ней говорится?

— Я знаю лишь несколько слов. Акета дал нам её как учебное пособие. В основном я рассматриваю картинки. Как маленькая девочка.

Перелистнув страницу, она показала ему небольшой золотистый рисунок:⁴⁴ *мужчины в изумительно красивых нарядах и головных уборах танцевали под пурпурными склонами Йянанамы*.

— Далзул считает, что они ещё не придумали письменность. Он должен увидеть *это*.

— Он уже видел их книги, — ответила Риель.

— Но...

---

43 В оригинале «гетеросексу-альные» через дефис (очевидно, не скорректированный после OCR перенос — см. 1). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

44 В оригинале без двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Шан замолчал, не зная, что сказать.⁴⁵ Риель положила ладонь на его плечо и задумчиво произнесла:

— Давным-давно на Терре один из антропологов посетил удалённое и изолированное арктическое племя. Он выбрал самого смышлёного из мужчин и забрал его с собой в огромный город Нью-Йорк. Невероятно, но *наибольшее впечатление на этого дикаря произвели два каменных шара, украшавших парадную лестницу отеля*. Он ликовал, осматривая их, и его не интересовали высотные здания, машины и улицы, заполненные людьми...

— Мы полагаем, что *чартен-проблема основывается не только на впечатлениях, но и ожиданиях*, — сказала Форист. — Какая-то часть нашего сознания намеренно создаёт смысл мира. Мы смотрим на хаос, выискиваем отдельные фрагменты и строим из них свой мир. Так поступают дети, и так поступаем мы. Люди отфильтровывают большую часть того, о чём рапортуют их чувства. *Мы сознательны только к тому, что хотим осознать*. При чартене вся вселенная обращается в хаос, и, когда мы выходим из него, нам приходится реконструировать мир. Мы хватаемся за всё, что узнаём. Но стоит нам уцепиться за какой-то фрагмент мироздания, как остальное само *пристраивается* к нему.

— Каждый из нас может сказать «я», и это породит бесконечное число сентенций, — добавила Риель. — Но уже следующее слово начинает выстраивать непреложный синтаксис. «Я хочу...» При последнем слове в нашем утверждении вообще не может быть хаоса. Хотя при этом приходится использовать только те слова, которые мы знаем.

— Благодаря этому мы и вышли из хаотических переживаний на «Шоби», — сказал Шан.

У него внезапно заболела голова. Боль сплелась с пульсом и прерывисто застучала в обоих висках.

— Чтобы не сойти с ума, мы конструировали синтаксис происходящего. Мы рассказывали друг другу нашу историю.

— И старались рассказывать её правдиво, — напомнила Форист.

— Ты считаешь, что *Далзул нам лгал*? — спросил Шан, массируя виски.

— Нет. Но *что* он рассказывал? Историю Ганамы или историю Далзула? Простые люди, похожие на детей, провозгласили его королём. Прекрасная принцесса предложила ему стать её мужем...

— Но она действительно предложила.

— Это её работа. Её обязанность. Она здесь верховная жрица. Её титул «анам». Далзул перевёл как «*принцесса*», но мы считаем, что данное слово означает «*земля*». Понимаешь? Земля, почва, мир. Она — земля Ганамы, которая с честью приняла чужеземца. И это действие потребовало какой-то ответной функции, которую Далзул интерпретировал как «*королевский сан*». Но они не имеют королей. Ему предлагается какая-то священная роль —

---

45 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

возможно, супруга анам. Не мужа Кет, а духовного супруга! И только в те моменты, когда она выступает в роли анам. Жаль, что мы не знаем всех деталей. Боюсь, Далзул не понимает, какую ответственность берёт на себя.

— Между прочим, мы тоже можем испытывать чартен-проблему, — сказала Риель. — Ничуть не меньше Далзула. Но как нам убедиться в этом?

— Помогло бы сравнение записей, — ответила Форист. — Наших и твоих.⁴⁶ Шан, ты нам нужен.

«Они все говорят одно и то же, — подумал он. — Далзулу нужна моя помощь. И этим тоже. А как я им могу помочь? Я не понимаю, куда мы попали. Мне ничего не известно об этом мире. Я только могу сказать, что камень под моей ладонью кажется тёплым и шершавым.

И ещё я знаю, что эти две умные красивые женщины пытаются быть честными со мной.

И ещё я знаю, что Далзул великий человек, а не глупец, эгоист и лжец.

Я знаю, что камень шершавый, солнце горячее, а тень прохладная. Я знаю сладковатый вкус зёрен тину, их треск на зубах.

Я знаю, что когда Далзулу исполнилось тридцать, ему поклонялись как богу. Пусть даже он и отрицал это поклонение, но оно изменило его. И теперь, постарев, он помнил, что значит быть королём...»

— У вас есть какие-нибудь сведения о том духовном сани, который ему предстоит принять? — хрипло спросил Шан.

— Ключевым словом является «тодок» — посох, жезл или скипетр. Титул произносится как «тодогай» — тот, кто держит скипетр. Таким образом, Далзул имеет право держать в руках какой-то жезл. Он перевёл этот титул как «король». Но мы не думаем, что данное слово означает человека, имеющего власть.

— Повседневные решения принимаются советниками, — сказала Риель. — Жрецы же обучают людей, проводят церемонии и... держат город в духовном равновесии.

— Иногда их ритуалы требуют кровавых жертв, — добавила Форист. — Мы не знаем, что именно придётся сделать Далзулу. Но ему лучше выяснить это заранее.

Шан огорчённо вздохнул.

— Я чувствую себя глупцом, — сказал он.

— Из-за того, что ты влюблён в Далзула?⁴⁷

Чёрные глаза Форист смотрели прямо ему в лицо.

---

46 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

47 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась и начинается описание последующих событий. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Я уважаю тебя за это, Шан. Но, думаю, он нуждается не в любви, а в помощи.

Выходя из ворот, он чувствовал, как Форист и Риель провожают его взглядами. Он медленно шагал по каменной дороге, ощущая их нежную заботу, соучастие и общность.

Шан направился к рыночной площади.

«Мы должны собраться вместе и пересказать друг другу нашу историю», — говорил он себе. Но слова казались поверхностными и пустыми. «Я должен слушать, — повторял он мысленно. — Не беседовать, не говорить, а слушать. Стать безмолвным.»⁴⁸

И он слушал, шагая по улицам Ганамы. Он пытался думать, чувствовать, видеть своими глазами, быть самим собой в этом мире — в *этом*, а не в том, что придумали он, Далзул, Риель и Форист. Он пытался принять эти непокорные и неизменные горы, камни и глину, сухой прозрачный воздух, дышащие тела и мыслящие умы.

Продавец в одной краткой музыкальной фразе расхваливал свой товар. Пять нот, чарующий ритм, «ТАтаБАНаБА», и после паузы та же фраза. Снова и снова, сладко и бесконечно. Мимо него прошла женщина. Шан рассмотрел её до мельчайших подробностей, буквально за одно мгновение:⁴⁹ низкорослую, с мускулистыми руками, с озабоченным выражением широкого лица, с тысячами мелких морщинок, отпечатанных солнцем на глиняной гладкости кожи. Она прошла мимо, не замечая его, будучи сама собой, без конструирования реальности, без перекрёстных проверок, недостижимая, чужая и абсолютно непонятная.

Значит, пока всё правильно. Грубый камень, согревавший ладонь, такт на пять ударов, и маленькая женщина, ушедшая по своим делам. Но это было только началом.⁵⁰

«Я сплю, — подумал он. — С тех пор как мы оказались здесь. И это не кошмар, как на “Шоби”, а хороший, сладкий и тихий сон. Но кому он принадлежит — мне или Далзулу? Всё время оставаясь рядом с ним, глядя на мир его⁵¹ глазами, встречая Виакву и других, празднуя на пирах и слушая музыку... Изучая их танцы, изучая игру на барабанах и ганамскую кулинарию... Подрезая деревья в садах... Сидя на террасе и щёлкая семена тигру... Это солнечный сон, наполненный музыкой, деревьями, дружелюбием и мирным уединением. Мой добрый сон, удивительный и противоречивый. Без королевской власти, без прекрасной принцессы, без претендентов на трон. Я ленивый человек, с ленивыми снами. Мне нужна Тай. Чтобы она разбудила меня, раздражила, заставила жить. Я нуждаюсь в этой сердитой женщине — в моём милом и строгом друге.

48 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

49 В оригинале без двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

50 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

51 В оригинале «ею». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Впрочем, её могут заменить Риель и Форист. Они любят меня, несмотря на мою лень. Они способны выбить лень из любого мужчины».

В его уме возник странный вопрос. *«Знает ли Далзул, что мы тоже здесь? Вполне понятно, что Риель и Форист не существуют для него как женщины. Но существую ли я для него как мужчина?»*

Он даже не стал искать ответ на этот вопрос. *«Я должен встряхнуть его как следует, — подумал он. — Ввести в гармонию какую-то толику диссонанса, синкопировать ритм. Я приглашу его к ужину и поговорю с ним начистоту», — решил Шан.*

Несмотря на свой внушительный вид зрелого мужчины, с ястребиным носом и свирепым лицом, Акета оказался очень мягким и терпеливым учителем.

— *Тодокью нкенес эбегебью*, — с улыбкой повторил он пятый раз.

— Скипетр... чем-то... наполняется? Господством свыше? Он что-то воплощает? — спрашивала Форист.

— Связан с чем-то... символизирует? — шептала Риель.

— *Кенес!* — сказал Шан. — Электричество. Вот слово, которое мои спутники использовали, описывая генератор тока. *Сила!*

— Значит, скипетр символизирует силу? — спросила Форист. — Вот так откровение! *Дерьмо!*

— *Дерьмо!* — повторил Акета.

Ему понравились звуки *этого* слова.

— *Дерьмо! Дерь-мо!*

Используя искусство мима, Шан в танце изобразил вулкан и водопад. Затем начал имитировать движение колёс, плеск струй и жужжание динамо-машины. Шан ревел, пыхтел и издавал различные звуки, не обращая внимания на недоумённые взгляды женщин. В интервалах между новыми взмахами рук он, как встревоженная наседка, выкрикивал одно и то же слово.

— *Кенес? Это кенес?*

Улыбка Акеты стала ещё шире.

— Соха, кенес, — согласился он и жестами показал скачок искры от кончика пальца к другому. — *Тодокью нкенес эбегебью.*

— Скипетр означает и символизирует *электричество!* — сказал Шан. — Теперь всё ясно. Если человек принимает скипетр, он становится «жрецом электричества». Мы знаем, что Акета — «жрец библиотеки», Агот — «календарный жрец». А тут у них появится ещё один коллега.

— Это имеет смысл, — согласилась Форист.

— Но почему они избрали своим главным электриком Далзула? — спросила Риель.

— Потому что он спустился с неба, как *молния*! — ответил Шан.

— А разве они *выбирали* его? — спросила Форист. Какое-то время все молчали. Акета, внимательный и терпеливый, смотрел на них, ожидая продолжения разговора.

— Как будет «*выбор*»? — спросила Форист у Риель. — *Сотот*?

Она повернулась к их учителю:

— Акета. *Дазу... нтодок... сотот*?

Тот печально вздохнул и, кивнув, ответил:

— Соха. Тодок нДазу ойо сотот.

— Да. Это *скипетр избрал Далзула*, — прошептала Риель.

— Ахео? — спросил Шан. — Почему?

Но из объяснений Акеты им удалось понять лишь несколько слов: *земля, обязанность, священный ритуал*.

— Анам, — повторила за ним Риель. — Кет? Анам Кет?

Чёрные, как уголь, глаза Акеты встретились с её взглядом. Полнота его молчания сковала терран нерушимыми узами безмолвия. И когда он наконец заговорил, их поразила *печаль* его слов.

— Ай Дазу! Ай Дазу кесеммас!

Акета встал, и они, следуя ритуалу вежливости, тоже поднялись на нóги, поблагодарили его за учение и вышли из дóма. *Как послушные дети*, подумал Шан. *Прилежные ученики. Но какое знание они изучали?*

Тем вечером он сидел на террасе и играл на маленьком гаманском бубне, а Абуд, уловив знакомый ритм, напевал ему тихую песню.

— Абуд, мету? — спросил Шан. — Объяснишь мне слово?

— Соха, — ответил его собеседник, привыкший к этому вопросу за последние несколько дней.

Этот печальный юноша терпел все странности чужеземца. А может быть, просто не замечал их, как думал сам Шан.

— *Кесеммас*, — сказал он.

— О-о! — произнёс Абуд, затем медленно повторил «*кесеммас*» и начал говорить что-то совершенно непонятное.

Шан скорее наблюдал за ним, чем пытался уловить слова. Он смотрел на жесты и лицо, прислушивался к тону. *Земля, низ, тихо, копать?* Гамане хоронили своих мёртвых. Значит, *мёртвый, смерть?*

Шан мимикой изобразил умиравшего человека, но Абуд нарочито *отвернулся*. Он никогда не понимал его шарад. Пожав плечами, Шан снова поднял бубен и воспроизвёл тот танцевальный ритм, который слышал на вчерашнем празднике.

— Соха, соха, — похвалил его Абуд.

— Я ещё никогда не беседовал с Кет, — сказал Шан командиру.

Ужин удался на славу. Он сам приготовил его при содействии Абуда, который помог ему не пережарить фирменное блюдо. Полусырая *фезуни*, смоченная свирепым перцовыми соусом, оказалась просто восхитительной. Как всегда, в присутствии Далзула застенчивый Абуд сохранял почтительное молчание. Отведав пищи, он церемонно раскланялся с ними и ушёл в свою комнату. Шан и Далзул остались на террасе, в объятиях пурпурных сумерек. Сидя на маленьких ковриках, они щёлкали семена типу, пили ореховое пиво и любовались сияющими точками звёзд, которые медленно проявлялись на небе.

— Все мужчины для неё являются табу, — ответил Далзул. — Кроме короля, которого она избрала.

— Но она замужем, — произнёс Шан. — Разве вы не знали?

— О нет! Принцесса должна оставаться девственной и ждать своего избранника. А потом она будет принадлежать только ему. Это *иерогамия*⁵² — священный брак.⁵³

— Гамане предпочитают многомужие, — как бы между прочим сказал Шан.

— Её союз с моим соперником стал фундаментальным нарушением королевского церемониала. Фактически ни она, ни я не имеем реального выбора.⁵⁴ Вот почему её неверность вызывала столько проблем. Она пошла против правил общества.

Далзул поднял чашу с пивом и сделал большой глоток.

— Что заставило их выбрать меня королём в первый раз? Моё эффектное сошествие с небес. И наш вторичный прилёт лишь испортил их отношение ко мне. Я нарушил правила, улетев от принцессы. Но что хуже всего:⁵⁵ я вернулся не один. Когда необычная персона спускается с небес —⁵⁶ это нормальное явление. Но когда их четверо, когда они делятся на мужчин и

---

52 Hierogamy, иерогамия — мифологический мотив, как правило, передающий космогонический акт — брак неба и землёй; в ритуале — брак царя и жрицы, воплощающей богиню-мать. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

53 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

54 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

55 В оригинале тире вместо двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

56 В оригинале запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

женщин, лопочут на детском языке, задают глупые вопросы, едят, пьют и испражняются —⁵⁷ это уже беда. Мы не ведём себя как святые. И они отвечают нам тем же — нарушением правил и норм. Примитивные представления о мире очень жёсткие. Они ломаются при любом напряжении. Мы внесли в это общество совершенно недопустимый элемент *распада*. И во всём виноват только я.

Шан огорчённо вздохнул.

— Это не *ваш* мир, сэр, — сказал он командиру. — Это мир гаман. И они сами несут за него ответственность.

Он смущённо покашлял.⁵⁸

— Лично мне они не кажутся примитивными. Эти люди пользуются письменностью и стальными предметами. Им знакомы принципы электричества, а их социальная система выглядит настолько гибкой и стабильной, что Форист...

— Я по-прежнему называю её *принцессой*, хотя недавно понял, что этот термин неточен, — сказал Далзул, опуская пустую чашу. — Мне следовало бы назвать её *королевой*. Кет — королева Ганамы. Или королева гаман. Она говорит, что «Ганам» переводится как «*соль самой планеты*».

— Да, Риель сказала...

— Так что в этом смысле она является Землёй, а я — Космосом, то есть Небом. Мой прилёт в этот мир создал божественную связь, мистический союз огня и воздуха с солью и водой. Мифология древних воплотилась в живой плоти. Она не может отвернуться от меня. Её отказ нарушит весь порядок мироздания. Ибо если отец и мать находятся в единении, их дети послушны, счастливы и здоровы. Ответственность родителей абсолютна и безоговорочна. Не мы их выбираем, а они выбирают нас. И поэтому ей придётся выполнить свой долг перед людьми.

— Риель и Форист выяснили, что она уже несколько лет состоит в браке с Акетой. А от второго мужа у неё родилась дочь.

Шан удивился своему охрипшему голосу. Его рот был сухим, а сердце стучало, словно после сильного испуга. Но чего он боялся? Стать непокорным?

— Виака сказал, что может вернуть её во дворец, — сказал Далзул. — Однако это чревато бунтом во фракции претендента.

— Командир! — закричал Шан. — Кет — замужняя женщина! Как жрица Земли она выполнила свой долг перед вами и вернулась в семью! Всё кончено! Неужели не ясно? Акета — её муж, а не ваш соперник. Ему не нужны ни скипетр, ни корона, ни другие символы власти!

Далзул молчал, и сгущавшиеся сумерки скрывали выражение его лица.

Шан был в отчаянии:

---

57 В оригинале запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

58 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Пока мы не узнали обычаи этого общества, вам лучше отступить. Не позволяйте Виаке похищать Кет из дома.

— Я рад, что вы поняли это, — сказал Далзул. — И хотя мне уже не избавиться от своей вовлечённости в текущие события, мы не должны вмешиваться в религию этих людей. Увы, власть налагает ответственность! Мне пора уходить. Спасибо за приятный вечер, Шан. Мы по-прежнему можем петь в унисон, как члены экипажа, верно?

Он встал и помахал рукой:

— Спокойной ночи, Форист. До скорой встречи, Риель.

Похлопав Шана по спине, Далзул прошептал:

— Спасибо вам, Шан. Спокойной ночи!

Он зашагал через двор — лёгкая прямая фигура, белый отблеск в темноте под яркими звёздами.

— Я думаю, мы должны забрать его на корабль. Понимаешь, Форист, *его иллюзии усиливаются с каждым днём*.

Шан сжал кулаки до хруста в костяшках пальцев:

— Он будто грезит. Как, возможно, и я. Но ведь мы втроём находимся в одинаковой реальности... Или это тоже вымысел?

Форист мрачно кивнула.

— Чартен-проблема становится всё запутаннее и сложнее, — сказала она. — Похоже, ты прав, и «*кесеммас*» действительно означает *смерть* или *убийство*. Риель считает, что это *жестокая казнь*. Недавно⁵⁹ у меня было ужасное видение, в котором бедняга Далзул совершал ужасное жертвоприношение. Перерезая горло невинному ребёнку, он верил, что изливает на алтарь благовонное масло и разрезает ритуальную ленту. Мне бы очень хотелось вырвать его из этого мира. И вырваться самой. Но как?

— А если мы трое пойдём к нему?⁶⁰

— И поговорим об этом? — с сарказмом спросила Форист.⁶¹

Чтобы увидеться с Далзулом, им пришлось простоять полдня перед домом, который их командир называл *дворцом*. Старик Виака, встревоженный и нервный, пытался отослать незваных гостей, но они продолжали настаивать на встрече. В конце концов Далзул вышел во двор и поприветствовал Шана. Он не воспринимал присутствия Риель и Форист, и если поступал так притворно, то это могло считаться великолепным исполнением роли. Он совершенно не обращал внимания на слова двух женщин и не осознавал их прикосновений.

---

59 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

60 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

61 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Шан начал сердиться:

— Командир! Форист и Риель тоже здесь. Взгляните! *Вот они!*⁶²

Далзул посмотрел в том направлении, куда указывал Шан, и снова повернулся к нему. На его лице было такое ошеломляющее сострадание, что Шан на всякий случай сам взглянул на женщин. На миг ему показалось, что это он находился в плену галлюцинаций.

— Настало время возвращаться, — мягко и ласково сказал Далзул. — Вы согласны?

— Да... Думаю, мы должны вернуться.

Слёзы жалости, облегчения и стыда обожгли ему глаза и сжали горло.

— Надо улетать. Наша затея не удалась.

— Скоро полетим, — сказал Далзул. — Теперь уже скоро. Не волнуйтесь, Шан. Ваша тревога объясняется возросшими аномалиями восприятия. Отнеситесь к этому спокойно, как в начале нашей экспедиции. И помните, вы в полном порядке. Как только пройдёт *коронация*...

— Нет! Мы должны улететь *сейчас*...

— Шан, по воле случая я взял на себя несколько обязательств и должен их выполнить. Если я отрекусь от них, фракция Акеты обнажит мечи...

— У Акеты *нет меча*, — пронзительным и громким голосом сказала Риель.

Шан никогда ещё не видел её в *такой истерике*.

— У этих людей нет мечей! Они их не делают!

Однако Далзул продолжал говорить о своём:

— Как только церемония закончится и королевская власть будет провозглашена, мы улетим домой. Ритуал займёт от силы час, а потом я вернусь и отвезу вас в порт Ве⁶³. Или вообще в *антивремя*, как говорят шутники. Прошу, перестаньте тревожиться о том, что никогда не было вашей проблемой. Это я втянул вас в неё. Всё под контролем, дружище.

— Неужели вы не понимаете...⁶⁴ — начал было Шан, но длинная чёрная ладонь Форист легла на его плечо.

— Бесполезно, — сказала она. — Безумие сильнее благоразумия. Пойдём. Я больше не могу выносить это зрелище.

Далзул спокойно отвернулся, словно они уже покинули его.

---

62 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь одного персонажа завершилась и начинается ответная реакция другого персонажа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

63 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

64 В оригинале без троеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Выбор невелик, — подытожила Форист, когда они вышли на полуденный зной под ослепительный солнечный свет. — Нам надо либо дожидаться этой церемонии вместе с ним, либо треснуть его по голове и утащить на корабль.

— Лично я за второе предложение, — сказала Риель.

— Если мы затащим Далзула на корабль помимо его воли, он не вернёт нас в Ве⁶⁵, — возразил им Шан. — Скорее всего Далзул снова полетит сюда, и ситуация станет намного хуже. Что, если, спасая Ганам, он разрушит этот мир?

— Шан! Остановись! — сказала Риель. — Разве город Ганам — это мир? Разве Далзул — всемогущий бог?

Он с недоумением посмотрел на неё, не зная, что ответить. Мимо прошли две женщины, с любопытством поглядывая на пришельцев с небес. Одна из них приветливо кивнула:

— Ха, Фойе! Ха, Иель!

— Ха, Тасасап! — ответила ей Форист.

Риель, сверкнув глазами, повернулась к Шану:

— Ганам — это маленький городок на большой планете, которую местные жители называют *Анам*. Люди в долине именуют её по-другому. Мы видели лишь крохотную часть этого огромного мира. И потребовались бы годы, чтобы хорошо познакомиться с ним. Попав в тиски чартен-проблемы, Далзул потерял здравомыслие и заразил безумием нас. Не знаю, насколько я права, но меня сейчас это мало волнует. Далзул вмешался в священные дела, и его поступки могут вызвать большие беспорядки. Но пусть об этом тревожатся гамане — те люди, которые здесь живут! Это их территория! И одному человеку не под силу спасти или уничтожить целый народ! Они имеют свою собственную историю и рассказывают её векам! Я не понимаю их уклада жизни, потому что не знаю языка. Возможно, для них мы просто четверо идиотов, упавших с небес!

Форист обвила руками её плечи и прижала к себе.

— Когда она волнуется, это возбуждает, правда? Ну, не хмурься, Шан. Акета не собирается убивать домочадцев Виаки. И я ещё ни разу не видела, чтобы эти люди разрешали нам вмешиваться в какие-то серьёзные дела. У них тут всё под контролем. Нам лишь остаётся дожидаться церемонии и спокойно отправиться домой. Возможно, этот ритуал не так уж и важен, как кажется Далзулу. Когда он выполнит его и успокоится, мы попросим командира вернуть нас в Ве⁶⁶. Он обязательно сделает это, потому что... — Она вдруг часто заморгала и закончила фразу уже без всякого сарказма: — Потому что *он относится к нам как отец*.

---

65 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

66 См. 3. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Они не виделись с командиром до самого⁶⁷ дня церемонии. Далзул не выходил из дворца, и по приказу Виаки к нему не пускали никаких посетителей. Что касается Акеты, то он, очевидно, не имел права вмешиваться в другие сферы священных полномочий — и не стремился к этому.

— Тезиеме, — сказал он.

И это означало примерно следующее: *«Всё пойдёт своим путём»*. Он не радовался этому, но и не желал оказывать противодействие.

Утром в день церемонии на рыночной площади начала собираться толпа. Никто ничего не покупал и не продавал. Гамане надели свои лучшие килты и самые яркие жилеты. Мужчины, обладавшие духовным саном, отличались от других массивными золотыми серьгами, высокими головными уборами и плюмажами из перьев. Макушки малышей и подростков были вымазаны красной охрой. Этот праздник не походил на остальные торжества — например, на церемонию восходящей звезды, которая проводилась несколькими днями раньше. Никто не танцевал, никто не готовил хлеб, и музыки тоже не было. Большая толпа вела себя торжественно тихо и серьёзно.

Наконец двёри дома, принадлежавшего Акете — а точнее Кет, — широко открылись, и оттуда под знобящий и тревожный бой барабанов вышла колонна жрецов. Барабанщики, стоявшие на улице перед домом, присоединились к концу колонны. Казалось, весь город вздрогнул и затрепетал от мерного и тяжёлого ритма.

Шан видел Кет только на видеозаписи, сделанной во время первого визита Далзула. Тем не менее,⁶⁸ он тут же узнал её. Это была строгая красивая женщина. Её головной убор выглядел менее пышным, чем у многих мужчин, но его украшали длинные золотые ленты. Он гордо покачивался при её ходьбе, и в такт ему кивали красные перья на плетёном уборе Акеты, который шагал рядом. Слева от жрицы шёл другой мужчина...

— *Кеткета*, её второй муж, — прошептала Риель. — А около него идёт их дочь.

Девочке было не больше пяти лет. Она величественно шествовала в первом ряду вместе с родителями. Концы её грубых чёрных волос казались бурыми от красной охры.

— В этой колонне собрались все жрецы из вулканического рода Кет, — пояснила Риель. — Вот там — *«вращатель земли»*. А тот старик считается *«календарным жрецом»*. Многих я не знаю. О Господи! Как их много...

В её шёпоте чувствовалась нервная дрожь.

Процессия свернула налево и, покинув рыночную площадь, двинулась под тяжёлый барабанный бой к дому Виаки. У жёлтых стен этого неуклюжего глиняного «дворца» Кет вышла вперёд и приблизилась к воротам. Толпа разом

---

67 В оригинале «самою». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

68 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

остановилась. Барабанщики продолжали выбивать надсадный ритм, постепенно замолкая, пока не остался один мерный стук, изображавший сердце. Потом это «сердце» остановилось, и наступила ужасающая тишина.

Из колонны вышел мужчина в высоком головном уборе, с плюмажем из переплетённых перьев. Он громко позвал:

— Сем анатан! Сем Дазу!

Ворота медленно открылись. В проёме стоял Далзул — освещённая солнцем фигура на фоне серого полумрака. Он был одет в чёрную форму с серебряными полосами. И волосы его сияли, как серебристый нимб.

Окружённая безмолвием толпы, Кет подошла к нему, опустилась на колени и торжественно произнесла:

— Дазу, сототию.⁶⁹

— Далзул, ты избран, — прошептала Риель.

Он улыбнулся и протянул руки к Кет, намереваясь поднять её. В толпе, как порыв холодного ветра, пронёсся шёпот. Послышались огорчённые восклицания и удивлённые вздохи. Кет резко приподняла голову, вскочила на ноги и, гордо уперев руки в бока, свирепо посмотрела на Далзула.

— Сототию! — повторила она и, отвернувшись, зашагала обратно к своим мужьям.

Барабаны откликнулись мягким боем, похожим на звук дождя. Передние ряды колонны образовали полукруг, и Далзул, величаво и медленно, занял место, которое освободили для него. Барабанный бой усилился, превращаясь в громовой рокот. Он то подкатывал ближе, то удалялся, становясь то громче, то тише. С удивительной синхронностью процессия двинулась вперёд. В её единодушии было что-то от стаи рыб или птиц.

Горожане последовали за колонной — и вместе с ними Форист, Риель и Шан.

— Куда они направляются? — спросила Форист, когда процессия вышла за городские ворота и двинулась по узкой дороге среди садов.

— Эта тропа ведёт к Йянанаму, — ответил Шан.

— К вулкану? Так вот, значит, где будет проходить ритуал.

Барабаны стучали. Солнечный свет бил в лицо. Сердце Шана колотилось о рёбра, а ноги взбивали пыль. И всё это сплеталось в тревожный пульсирующий ритм, который настраивал их на что-то неотвратимое. Мысль и речь потерялись в вибрации мира, и остался лишь ритм, ритм, ритм, ритм.

Процессия жрецов и следовавшие за ними горожане остановились. Три терранина продолжали пробираться сквозь толпу, пока не оказались в первых рядах неподалёку от колонны. Барабанщики перестроились и сместились в сторону. Они по-прежнему имитировали громовые раскаты.

---

69 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Кое-кто в толпе — особенно люди с детьми — отступали назад к повороту крутой тропы. Никто не говорил. Рёв водопада и шум стремительного горного потока заглушали даже бой барабанов.

Они находились примерно в ста шагах от небольшого каменного здания, в котором располагалась динамо-машина. Кет, её мужа, домочадцы и жрецы, украшенные перьями, расступились и образовали проход, который вёл к потоку. У подножия каменных ступеней, спускавшихся прямо в воду, тянулась широкая площадка. Она была вымощена светлыми каменными плитами, по которым струилась прозрачная вода. Среди стремительных блестящих струй стоял сверкающий алтарь, или низкий пьедестал из чистого золота. Он был украшен замысловатыми фигурками людей в коронах и танцующих мужчин с алмазными глазами. На пьедестале лежал *скипетр* — простой, без всяких украшений посох из тёмного дерева или какого-то тусклого металла.

Далзул направился к пьедесталу.

Внезапно Акета выбежал вперёд и встал перед каменной лестницей, закрывая ему дорогу. Он произнёс звонким голосом несколько слов. Риель покачала головой, ничего не понимая. Пожав плечами, Далзул остановился, но, когда Акета замолчал, он снова пошёл к ступеням.

Акета забежал вперёд и указал на ноги Далзула.

— Тедиад! — закричал он.⁷⁰ — *Тедиад!*

— Ботинки, — прошептала Риель.

Все жрецы и горожане были *босыми*. Заметив это, Далзул с достоинством опустился на колени, снял ботинки и носки, отбросил их в сторону и поднялся.

— Отойди, — тихо сказал он, и Акета, будто поняв его, отступил назад.

— Ай Дазу! — выкрикнул жрец, когда Далзул прошёл мимо него.

— Ай⁷¹ Дазу! — мягко повторила Кет.

Под тихий шёпот толпы и рёв стремительного потока Далзул спустился по ступеням на площадку, затопленную водой. Он шёл по мелководью, и верткие струи взрывались яркими брызгами вокруг его лодыжек. Далзул без колебаний обошёл пьедестал и повернулся лицом к притихшей толпе. Вытянув руку, он с улыбкой *сжал скипетр*...⁷²

— Нет, — отвечал Шан, — у нас не было с собой видеокамер. Да, он умер мгновенно. Нет, я не знаю, сколько вольт подавалось на жезл. Мы считаем, что от генератора к алтарю шёл подземный кабель. Да, конечно, они подготовили это заранее. Гамане думали, что он намеренно избрал такую

70 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

71 В оригинале «Ал», в отличие от предыдущего «Ай» (на него и исправляю). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

72 В оригинале без троеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

смерть. Далзул сам попросил их об этом, когда вступил в половую связь с Кет — со жрицей Земли, с Землей. Гамане полагали, что исполняют его желание. Откуда им было знать, что мы ничего не понимаем? Для них такой исход вполне закономерен. Тот, кто оплодотворяет Землю, должен умереть от Молнии. Мужчины, избравшие эту смерть, идут в Ганам. Это долгое путешествие, и Далзул прошёл самый длинный путь. Нет, никто из нас тогда не подозревал о подобном ритуале. Нет, я не знаю, связано ли это с чартен-эффектом, с хаосом или перцептуальным диссонансом. Да, мы действительно воспринимали ситуацию по-разному. К сожалению, никто из нас не догадался об истине. Но он знал, что снова должен стать богом.

XX © Урсула Кроубер Ле Гуин

ИНФОРМАЦИЯ О КНИГЕ:

Hainish

«Танцую Ганам»

© Ursula Kroeber Le Guin/Урсула Кроубер Ле Гуин

editor: Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus

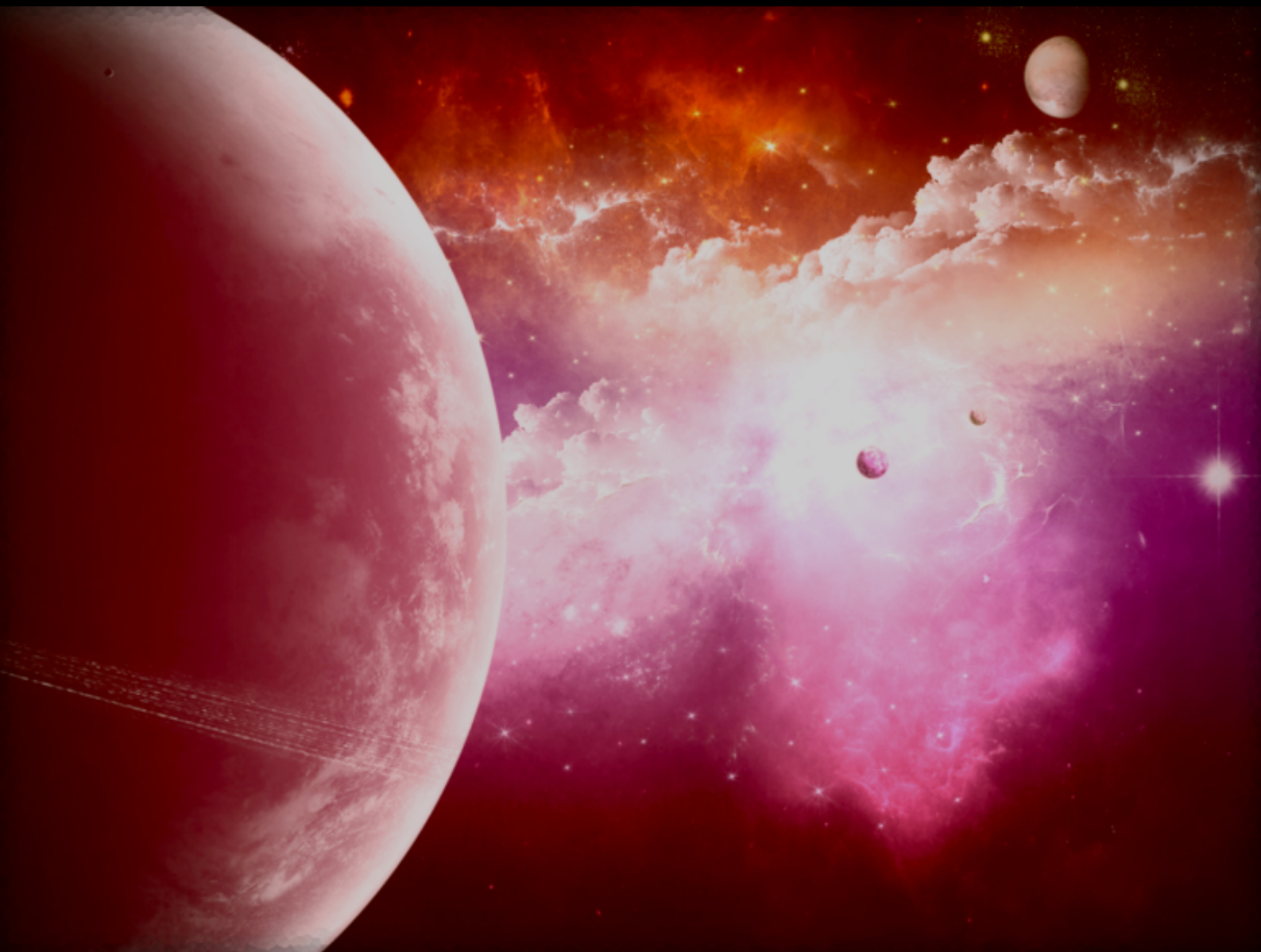
Авторство документа:	Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus
Редакция и оформление:	29.03.2018
Время редактирования:	02:59:22
Количество сохранений:	127

Общее количество страниц:	44
Общее количество абзацев:	564
Общее количество слов:	14060
Общее количество символов:	90055

Copyright © XX by Ursula Kroeber Le Guin

Copyright © 29.03.2018 by Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus

Hainish